

DOI 10.15826/qr.2017.3.257

УДК 94(4)"1796/1815"+94(470)"1812"+930

РОССИЯ И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 200 ЛЕТ*

Рец. на кн.: Russia and the Napoleonic Wars / ed. by J. M. Hartley,
P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke ; Hampshire :
Palgrave Macmillan, 2015. – XVII, 271 p.

Владимир Земцов

Уральский федеральный университет,
Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

RUSSIA AND THE NAPOLEONIC WARS: 200 YEARS LATER**

Rev. of: Hartley, J. M., Keenan, P., Lieven, D. (eds.) (2015).
Russia and the Napoleonic Wars. Basingstoke, Hampshire,
Palgrave Macmillan. – XVII, 271 p.

Vladimir Zemtsov

Ural Federal University,
Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This review considers the proceedings of an international conference held between 15 and 18 May 2014 in Mežotne (Latvia) and the issues discussed there. 25 scholars from Great Britain, Russia, France, Germany, Poland, Ukraine, the US, and Canada discussed the nature of the Napoleonic Empire and the international relations of the turn of the 19th century, the peculiarities of the internal processes taking place in Russia, the role of certain military and government officials during the era, relations between the local population of the occupied territories and the occupational authorities, and propaganda and the represen-

* Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

** Citation: Zemtsov, V. (2017). Russia and the Napoleonic Wars: 200 Years Later. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257.

Цитирование: Zemtsov V. Russia and the Napoleonic Wars: 200 Years Later // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257 / Земцов В. Россия и Наполеоновские войны: взгляд через 200 лет // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 893–900. DOI 10.15826/qr.2017.3.257.

tation of victories, as well as communicative and cultural memory. The participants pointed out considerable changes in the historical interpretation of the Napoleonic wars, which have manifested themselves both through the retreat from traditional military and historical discourse and through new methodological approaches. A notable internalisation of research strategies has occurred: this can be observed not only in how Russian and Eastern European historians now familiarise themselves with the methodological achievements of the Western humanities, but also in how Western European and American scholars have started to actively use the works of their Eastern European peers and to enlarge their source bases by referring to Russian archives.

Keywords: Napoleonic wars; Patriotic War of 1812; historiography of the Napoleonic wars; D. Lieven.

В предлагаемой рецензии на сборник материалов международной конференции, проходившей 15–18 мая 2014 г. в Межотне (Латвия), представлен обзор проблем, которые обсуждались в ее ходе. Во время выступлений 25 ученых из Великобритании, России, Франции, Германии, Польши, Украины, США и Канады были подняты проблемы характера Наполеоновской империи и международных отношений рубежа XVIII–XIX вв.; специфики внутренних процессов, протекавших в России, и роли отдельных военных и государственных деятелей в эту эпоху; взаимоотношений населения оккупированных территорий и оккупационных властей; пропаганды и «репрезентации побед», а также коммуникативной и культурной памяти. Участники констатировали значительные перемены, произошедшие в историописании событий Наполеоновских войн, которые выразились в отходе от традиционной военно-исторической тематики, и в поисках новых методологических подходов. Произошла заметная «интернационализация» исследовательских процедур, которая проявилась не только в приобщении историков России и Восточной Европы к методологическим достижениям западной гуманитарной науки, но и в том, что западноевропейские и американские исследователи стали активно обращаться к трудам восточноевропейских коллег и расширять источниковую базу за счет российских архивов.

Ключевые слова: Наполеоновские войны; Отечественная война 1812 г.; историография Наполеоновских войн; Д. Ливен.

К юбилейным мероприятиям, которые ознаменовали определенный шаг в научном постижении смысла Наполеоновской эпохи, без сомнения, следует отнести международную конференцию, материалы которой вышли в Британии в 2015 г. в сборнике *Russia and the Napoleonic Wars*.

Инициатором проведения конференции выступили (при финансовой поддержке Фонда Паулсена) три признанных центра исторической науки: Тринити-колледж Кембриджского университета в лице

профессора Доминика Ливена (Dominic Lieven), крупнейшего специалиста по русской и мировой истории XIX – начала XX в., Лондонская школа экономики и политических наук, представленная замечательным исследователем истории России Джанет Хартли (Janet M. Hartley) и ее блестящим коллегой Полом Кинаном (Paul Keenan), и Государственный исторический музей в Москве (его представлял ведущий специалист по истории начала XIX в. и главный редактор двух фундаментальных энциклопедий по эпохе 1812–1814 гг. Виктор Безотосный). Идея организации форума заключалась в том, чтобы, в сущности, впервые собрать вместе более двух десятков российских и иностранных историков, которые представили бы максимально широкий спектр тем и ракурсов изучения многогранной проблемы «Россия и Наполеоновские войны».

Местом проведения конференции был избран бывший родовый дворец семьи Ливенов, расположенный в идиллическом местечке Межотне, находящемся в часе езды от Риги.

В предисловии к опубликованным материалам Доминик Ливен определил задачи конференции. Он подчеркнул, что Наполеоновские войны оказали огромное воздействие на российское государство, общество и экономику, но далеко не так, как обычно представлялось в советской, а часто и в дореволюционной российской историографии. Российское государство понесло гигантские финансовые расходы, что обусловило снижение темпов экономического роста в 1-й половине XIX в., а сама победа над Наполеоном «добавила легитимизации царскому режиму» (р. 1)¹ и «обусловила склонность Николая I к осторожности в действиях и к консервативному стилю мышления в тот период, когда он оказался перед необходимостью отказа от крепостничества и преодоления иных препятствий, представших на пути модернизации» (Ibid). Автор подчеркнул, что собственно 1812 г. еще не предопределил падение Наполеона, и только специфический подход Александра I к вопросу о месте России в плане стабилизации европейского порядка обусловил вторжение русской армии в Центральную Европу, благодаря чему Германия была «вырвана из-под французского управления», а это, в свою

Russia and the Napoleonic Wars

Edited by Janet M. Hartley
Paul Keenan and Dominic Lieven

War, Culture and Society, 1750–1850

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

очередь, привело в дальнейшем к распаду наполеоновской империи. Обсуждение этих проблем в такого рода ракурсе становится возможным только сейчас, когда началось активное взаимодействие российской исторической науки с зарубежной, а западные историки, в свою очередь, получили доступ к российским архивам.

Достаточно оригинально Ливен поставил ряд проблем и в своем основном выступлении («Международные отношения в эпоху Наполеона: долговременные последствия» (*International Relations in the Napoleonic Era: The Long View*)), текст которого также опубликован в рецензируемом сборнике и которое, наряду со статьями британских исследователей Майкла Броэрс (Michael Broers) и Алана Форреста (Alan Forrest), было посвящено феномену наполеоновской империи в контексте проблематики международных отношений. По мнению Ливена, успехи французской армии к 1809 г. были впечатляющими, однако сами по себе военные действия должны были являться только первым шагом на пути создания империи. Для политической же консолидации было необходимо значительное время. Однако Наполеон никогда, даже умозрительно, не разрабатывал никакого последовательного имперского плана с целью консолидации завоеванных территорий. Кроме того, его империализм неизбежно должен был столкнуться с уже сложившимся балансом сил, и к 1810 г. он встал перед необходимостью борьбы с двумя крупными силами на периферии Европы – с Британией и Россией, для чего требовались разные виды ресурсов: военно-морские против Британии и военно-логистические против России. И хотя вторжение Наполеона в Россию в 1812 г. не было заранее обречено на катастрофу, успех все же был маловероятен. В заключение Ливен поставил вопрос общего характера: можно ли считать век революции и Наполеоновских войн временем радикального сдвига в международных отношениях? По его мнению, нельзя. Хотя сдвиги были достаточно значительными, но они отнюдь не были радикальными. Более того, в отличие от мнения, которое уже достаточно прочно укоренилось в историографии, эту эпоху вряд ли можно расценивать в качестве первой мировой войны. Более убедительным было бы первой мировой войной называть Семилетнюю войну 1756–1763 гг., хотя она и имела меньшие последствия, чем Наполеоновские войны.

Проблеме разнородности Наполеоновской империи посвятил статью известный оксфордский профессор Майкл Броэрс. Отмечая разнообразие макрорегионов самой Франции, британский историк пришел к выводу о том, что приказы из Парижа с большим пониманием воспринимались в Бельгии, на левом берегу Рейна и в Пьемонте, чем в Вандее, Русийоне или Савеннах. Поразительно, но важнейшим оплотом сопротивления политике Наполеона была провинция Овернь, самое сердце Франции, в то время как рейнские и пьемонтские департаменты, Италия и даже государства Рейнского союза оказались в значительной степени органичной частью империи.

Вопрос о целях подготовки Наполеоном кампании против России оказался в центре внимания британского историка Алана Форреста. Он пришел к выводу, что это была своего рода карательная экспедиция, преследовавшая целью «наказать» русского царя за его отказ от последовательной реализации континентальной системы. Главной целью действий Наполеона оставалась Британия.

Проблеме воздействия России на формирование и развитие европейского порядка от Венского конгресса до 1823 г. посвятила свои размышления Элиза Виртшафтер (Elise Kimerling Wirtschfter) из Калифорнийского государственного университета в статье «Русский взгляд на европейский порядок: “Обзор 1819 года”» (*Russian Perspectives on European Order: “Review of the Year 1819”*).

Насыщенный активной дипломатической борьбой период 1807–1812 гг. привлек внимание российского историка Александра Орлова, основные научные интересы которого лежат в плоскости изучения российско-британских отношений эпохи Наполеоновских войн. В публикации «Россия и Англия в международных отношениях 1807–1812 годов» (*Russia and Britain in International Relations in the Period 1807–1812*) автор выявил характер и результативность усилий трех основных игроков на международной арене тех лет – Франции, Великобритании и России – в деле поиска союзников перед решающей схваткой 1812 г. По его мнению, несмотря на заключение Францией союзных договоров с Австрией и Пруссией в 1812 г., усилия России и Великобритании оказались более успешными, что и предопределило в дальнейшем перелом в общей расстановке международных сил.

Менее убедительный материал представил канадский исследователь Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе (David Schimmelpennink van der Oye), занимающийся проблемами русской имперской экспансии в Азии. Предложенная им статья о роли «индийского проекта» в политике Франции, Великобритании и России на рубеже XVIII–XIX вв. написана в достаточно традиционном ключе и основана на ранее известных материалах.

Проблематике развития внутренних процессов в России, а также роли отдельных российских государственных деятелей в эпоху Наполеоновских войн оказалась посвящена целая серия материалов. Известный французский историк Мари-Пьер Рей (Marie-Pierre Rey), признанный специалист по русской истории, в особенности начала XIX в., осветила усилия Александра I, который совместно с Ш.-М. Талейраном весной 1814 г. предпринял энергичные усилия с целью создания во Франции в связи с воцарением Людовика XVIII конституционного режима.

Российский историк Виктор Безотосный опубликовал сообщение о составе и борьбе генеральских группировок в русской армии в эпоху 1812–1814 гг. Проанализировав структуру военного командования русской императорской армии, дав анализ профессионального, социального и этнического состава русского генералитета, исследова-

тель показал, каким образом борьба генеральских фракций повлияла на ход кампаний 1812–1814 гг.²

Научный сотрудник Германского исторического института в Москве Денис Сдвижков обратился к личности принца Евгения Вюртембергского и его роли в событиях Наполеоновской эпохи. Несмотря на неординарность, а в ряде случаев и выдающуюся роль принца в событиях эпохи, он, по мнению ученого, «проиграл» сражение «за историческую память» (р. 131). В значительной степени по причине иностранного происхождения его образ не вошел в галерею легкоузнаваемых россиянами героев 1812 г.

Сотрудник Института российской истории РАН Григорий Биби-ков в своей публикации высказал предположение, что с 1830-х гг. вос-хищение полуполюгендарными образами героев 1812 г. сменилось про-заичным отношением к генералам – государственным деятелям, и отношение это было, как правило, критическое.

Британский историк Джанет Хартли (Janet M. Hartley) попыталась, опираясь в том числе и на работы российских историков И. Ю. Лапи-ной и С. В. Белоусова, осветить вопросы о том, как были организо-ваны в российской провинции сбор пожертвований и формирование ополчения. Хартли пришла к выводу, что эти мероприятия «не могут рассматриваться только в терминах патриотизма» и что «мотивация и практика были гораздо сложнее» (р. 158).

В статье сотрудника Института славяноведения РАН Людмилы Марней анализируется состояние российских финансов в период 1812–1814 гг. По ее мнению, уже ко времени Тильзита в связи с мно-гочисленными войнами в начале XIX в. с Ираном, Турцией, Швецией и в составе антинаполеоновских коалиций финансы были серьез-но подорваны, что негативно сказалось на торговле, таможенной и кредитной политике Российской империи. Не решившись дать бо-лее или менее точную цифру, во сколько «обошлись» казне Отече-ственная война и заграничные походы, Марней все же констатирует, что в большинстве случаев финансовая политика в этот период «сво-дилась к обеспечению чрезвычайных расходов» (р. 144).

Американский исследователь Александр Мартин (Alexander M. Martin) привлек внимание к чрезвычайно интересной и важной проблеме, совершенно не затронутой в российской историографии, а именно к особенностям воздействия войны 1812 г. на цивилиза-ционный процесс в России. Он констатирует, что война, в особен-ности разорение Москвы и ряда других городов, обусловила времен-ный откат «потребительской революции» (р. 235). Однако несмотря на это, события 1812 г. в целом способствовали тому, что русская национальная культура стала развиваться на «более обширном осно-вании», а культурная деятельность стала заметно доступнее для ши-роких слоев империи.

² Масштабное исследование обозначенных на конференции проблем автор пред-ставил в дальнейшем в виде монографии [Безотосный].

Теме взаимоотношений населения и оккупационных властей на захваченных территориях посвящена статья профессора Торуньского университета Анджея Неуважного (Andrzej Nieuwazny), безвременно ушедшего из жизни в июне 2015 г. Анализируя ситуацию в Великом герцогстве Варшавском в 1813–1814 гг., исследователь подчеркнул контраст между возникшей в дальнейшем польской «патриотической традицией», утвердившей тезис о серьезном сопротивлении местного населения оккупационным властям, и исторической реальностью, демонстрировавшей множество примеров не только терпимого отношения друг к другу, но и дружественных и даже романтических связей. Не преминул автор указать и на поведение пруссаков, которые вели свою игру за земли, аннексированные ими в прошлом, а поэтому способствовали поддержанию русско-польского недоверия.

Вопросы пропаганды и «репрезентации побед» были затронуты российским исследователем Любовью Мельниковой (Институт российской истории РАН) и британским историком Полом Кинаном (Paul Keenan) (Лондонская школа экономики и политических наук). Мельникова, основываясь на утверждении о существовании в 1812 г. конфликта цивилизаций, указывает, что идея русской православной церкви о демонической сущности Наполеона убедительно «накладывалась» на многие действия чинов наполеоновской армии, пережившей эпоху антирелигиозной революции. В этом, по мнению автора, и заключался секрет успешности религиозной проповеди в деле мобилизации сил для борьбы с армией вторжения. Кинан, следуя за духом и методологией изучения «репрезентации власти», разработанной Р. Уортманом [Wortman; Уортман], показал специфику внимания русского императорского двора к событиям 1805–1807 гг. В 1805 г. только сражение при Кремсе удостоилось того, чтобы быть отмеченным праздником в Петербурге, в то время как в 1806–1807 гг. императорский двор столкнулся с непростой проблемой определения своей реакции на заключение Тильзитского мира. С помощью различного рода мер были сделаны попытки легитимации этого договора.

Статья Татьяны Сабуровой (Омский государственный педагогический университет), отразившая неугасающий научный и общественный интерес к тематике памяти, представлений и образов, завершает сборник материалов конференции. Вслед за А. Г. Тартаковским, выделившим волны интереса к войне 1812 г., исследователь проследила, каким образом коммуникативная память об этих событиях превратилась в России в память культурную.

Конференция в Межотне и издание ее материалов продемонстрировали ряд важнейших (помимо предметного обсуждения ключевых вопросов собственно исторической тематики) перемен, произошедших и происходящих в сфере историописания событий 1812–1815 гг. Прежде всего очевидно, что на рубеже XX–XXI вв. произошли значительные перемены как в плане отхода от традиционной военно-исторической тематики, так и в плане поисков новых методологических

подходов. Теснейшим образом с этими переменами оказалась связана «интернационализация» исследовательских процедур, которая проявляется не только в приобщении историков России и Восточной Европы к методологическому кладезю западной гуманитарной науки, но и в том, что западноевропейские и американские исследователи стали активно обращаться к трудам своих восточноевропейских коллег и расширять источниковую базу трудов за счет российских архивов. Вместе с тем считаем нужным заметить, что, вопреки первоначальному впечатлению, порожденному массовым «исходом» историков Наполеоновских войн из сферы традиционных военно-исторических штудий, осмысление эпохи в рамках позитивистского восприятия и позитивистских методов постижения прошлого не потеряло своего значения. Скорее наоборот. Расширение и умножение ракурсов в постижении феномена Наполеоновских войн и роли в них России выявляет необходимость более последовательной, чем это стало практиковаться в последние два десятилетия, обработки документальных источников в традиционном позитивистско-фактологическом ключе, что, в свою очередь, становится важнейшим и неперенным условием успеха постмодернистского взгляда на события 1812–1814 гг.

Список литературы

- Безотосный В. М.* Закаленные эпохой : Российский генералитет Александра I. М. : Кучково поле, 2015. 544 с.
- Уортман Р.* Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002–2004. Т. 1. 605 с.; Т. 2. 796 с.
- Эпоха 1812 года : Исследования. Источники. Историография : сб. материалов. Вып. 12. К 200-летию заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М. : Кучково поле, 2014. 448 с.
- Russia and the Napoleonic Wars / ed. By J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke, Hampshire, England : Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- Wortman R. S.* Scenarios of Power : Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, NY : Princeton Univ. Press, 1995–2000. Vol. 1. 469 p.; Vol. 2. 586 p.

References

- Bezotosnyi V. M. (2015). *Zakalennyye epohoy: Rossiyskiy generalitet Aleksandra I* [Hardened by the Era: Russian Generals of Alexander I]. Moscow, Kuchkovo pole. 544 p.
- Wortman R. (2002). *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii*. [Hardened by the Era: Russian Generals of Alexander I]. Moscow, Kuchkovo pole. 544 p.
- Wortman R. (2002). *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii*. [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 605 p.; Vol. 2. 796 p.
- Epoha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. XII: Sbornik materialov. K 200-letiyu Zagranichnyih pohodov rossiyskoj armii 1813–1814 godov* [The Era of 1812. Research. Sources. Historiography. Iss. 12 : Source Book. For the 200th Anniversary of Foreign Campaigns of the Russian Army between 1813 and 1814]. (2014). Moscow, Kuchkovo pole. 448 p.
- Hartley J. M., Keenan P., Lieven D. (Eds.). *Russia and the Napoleonic Wars*. Basingstoke, Hampshire, England, Palgrave Macmillan, 2015. XVII, 271 p.
- Wortman R. S. (1995–2000). *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, NY, Princeton Univ. Press. Vol. 1. 496 p.; Vol. 2. 586 p.